

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.1>

УДК 17(045)

ББК 87.7

СУБЪЕКТИВИСТСКИЕ И ОБЪЕКТИВИСТСКИЕ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СЧАСТЬЯ

Алексей Григорьевич Деменев

Кандидат философских наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
a.demenev@narfu.ru
просп. Ломоносова, 2, 163002 г. Архангельск, Российская Федерация

Аннотация. В последние десятилетия заметен неуклонный рост интереса к исследованию проблемы счастья. Обсуждение соотношения объективных и субъективных факторов счастья, а также возможности их выявления и оценки разделило сторонников объективистских и субъективистских теорий. В статье анализируются примеры таких теорий, выявляются их достоинства и недостатки. Показано соотношение объективистских и субъективистских теорий счастья, с одной стороны, и эвдемонистических и гедонистических теорий, с другой стороны. Рассмотренные теории доказывают междисциплинарный характер дискуссии по проблеме счастья.

Ключевые слова: счастье, благополучие, добродетель, субъективизм, объективизм, эвдемонизм, гедонизм, экономика счастья.

Проблема счастья является традиционно важной темой нравственных размышлений, и за тысячелетия истории этики уже выявлены основные спорные вопросы этой темы и даны возможные варианты ответов. Но интерес к теме неожиданно возрос в последней трети прошлого века и продолжает расти за счет подключения к ее обсуждению представителей психологических наук. Толчком к оживлению дискуссий стало накопление данных эмпирических исследований. Почти одновременно тема заинтересовала и экономи-

стов, обсуждавших новые подходы к измерению экономического благополучия. Одной из главных тем в этих дискуссиях стало обсуждение соотношения объективных и субъективных факторов счастья, а также возможности их выявления и оценки. По данному основанию определенно можно выявить сторонников объективистских и субъективистских теорий.

Изначально в большинстве европейских языков в понятие «счастье» вкладывалось значение «везение», «удача». В архаическую эпоху греческой культуры счастье понималось

как благосклонность судьбы. При таком подходе внимание смещено к объективным факторам: условия жизни, события, внешние блага. Они лишь отчасти зависят, а с точки зрения фаталистов вообще не зависят от позиции и усилий самого человека. В классический период греческой культуры складывается представление о счастье как о высшем благе, предполагающем обладание добродетелями. При таком подходе жизнь, претендующая на то, чтобы называться счастливой, также должна соответствовать определенным объективным критериям. В этот же период появляется и другой подход, отождествляющий счастье с удовольствиями, но доминирующим он стал позднее, в новоевропейской культуре, когда акцент сместился на самоощущения субъекта безотносительно каких-либо объективных критериев и требований. Субъективизм нашел серьезную поддержку в аргументах новоевропейского гедонизма и, в частности, в британском утилитаризме. Трактровка счастья как субъективного благополучия (SWB) легла в основу многих психологических исследований последней четверти прошлого века и продолжает оставаться распространенной в наше время.

В начале 70-х гг. прошлого века интерес к этой теме усилился в связи с исследованиями механизмов психологической адаптации человека. Выяснилось, что ощущение удовлетворенности условиями жизни у каждого человека привязано к определенному уровню и способно сохранять устойчивость в долгосрочной перспективе. Изменение условий, те или иные события отклоняют это ощущение в положительную или отрицательную сторону, но с течением времени острота эмоций проходит, психика приспособляется к изменениям, и ощущение удовлетворенности возвращается к прежнему уровню. В 1971 г. П. Брикман и Д.Т. Кэмпбелл предложили модель гедонистической беговой дорожки, которая иллюстрирует стремление человека к новым удовольствиям, не меняющее общий уровень удовлетворенности жизнью [4]. В 1974 г. похожий эффект был выявлен в экономических исследованиях. Обнаруженный Р. Истерлином парадокс многих привел в замешательство: значительный рост подушевого дохода в послевоенной истории США не привел к такому

же росту удовлетворенности жизнью. Став богаче, американцы не стали счастливее [5]. Этот же парадокс подтвердился и для ряда других развитых стран. Позднее Д. Ликкен и А. Телледжен установили, что в среднем в течение жизни ощущение счастья на 80 % определяется врожденными индивидуальными особенностями нервной системы и только на 20 % – усвоенными ценностями, мировоззрением и внешними условиями [10].

С одной стороны, открытие этих явлений усилило позиции субъективистских теорий: счастье оказалось прочно связано с самоощущениями субъекта и относительно независимо от объективных условий. Это коррелирует с обыденным опытом, из которого видно, что люди по-разному себя чувствуют, находясь в одних и тех же условиях. Если безногий бездомный нищий чувствует себя счастливым, то с субъективистской точки зрения нет оснований не верить ему. И наоборот, если обласканный жизнью почтенный отец семейства жалуется на постоянную депрессию, нет оснований признать его счастливым.

С другой стороны, это подрывает субъективистскую гедонистическую ориентацию, превращает приобретение счастья, понятого как удовольствие, в недостижимую и бессмысленную цель. Стремление стать счастливее в таком понимании выглядит так же бессмысленно, как стремление стать выше [9, с. 331]. А это уже дает повод для полного пересмотра взглядов на счастье, для поиска в истории этики альтернативных подходов. И такая альтернатива была найдена. Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время в зарубежной, особенно в англо-саксонской философии, наблюдается настоящий бум интереса к этике Аристотеля. Его эвдемонистическая концепция востребована не только в психологии, но и в экономических исследованиях. Она положена в основу многих объективистских теорий, предлагающих различные критерии для определения счастья. Так, Д. Парфит ввел понятие «теории объективного списка» – это теории, которые связывают благополучие с определенными внешними благами [13].

Сторонниками объективизма являются Р. Уорнер, Р. Симпсон, Дж. Аннас, С. Басс, Р. Краут. Они признают, что чувство удовлет-

воренности – необходимый компонент счастья, но его недостаточно. Человек должен осознавать оправданность своих желаний. Дж. Аннас отрицает, что счастья можно добиться при переходе в нужное психическое состояние. Для его приобретения нужно выстроить жизнь так, чтобы осуществились важнейшие идеалы и были достигнуты главные цели [1].

Эту же мысль развивает Дж. Кикис [8]. Он считает, что человек способен рационально оценить, действительно ли условия его жизни обеспечивают удовлетворенность. Кикис указывает на то, что критерии счастья онтологически субъективны и эпистемологически объективны. Они онтологически субъективны, так как субъект сам определяет свои цели и ценности и планирует жизнь в соответствии с ними. Но критерии счастья и эпистемологически объективны: после того, как жизненные цели определены, необходимо объективно оценивать, действительно ли субъект достиг своих целей и действительно ли условия жизни удовлетворяют его требованиям. То есть счастье не должно быть иллюзорным, иначе оно легко разобьется от столкновения с действительностью. Объективность такой оценки в том, что ее может произвести сторонний наблюдатель, сопоставив цели субъекта с его достижениями. Субъект при таком подходе лишается привилегированного права судить о том, счастлив ли он. Для счастья человек должен получить то, что сам больше всего ценит. Но он должен действительно это получить, а не иметь иллюзию удовлетворенности, полученную путем самообмана, возникшую непреднамеренно или внушенную кем-то другим.

Р. Нозик предложил широко разошедшийся образ «машины удовольствий» [11]. Если изобрести машину, способную порождать у человека абсолютно достоверную иллюзию реальности, и наполнить эту реальность разного рода удовольствиями, то с гедонистической точки зрения такая машина может заменить все объективные блага и оказаться более предпочтительной, чем жизнь, наполненная страданиями и испытаниями в борьбе за счастье. Д. Хайброн усилил этот образ, заметив, что к машине достаточно подключить не все тело, а мозг, обеспечив ему иллюзию счастливой жизни [7, с. 209]. Эти образы призва-

ны скомпрометировать гедонистическую субъективистскую версию счастья, доведя ее до абсурда. Тему продолжила М. Насбаум и другие философы, обсуждая образ «счастливого война», они приходят к выводу: человека можно заставить смириться с любыми лишениями и страданиями, внушив, что в этом его счастье [12]. Можно еще упростить задачу, изобретя «таблетку счастья». И субъективистская позиция требует признать таких людей счастливыми. Сторонники объективизма говорят о неприемлемости такой позиции. Психологи предлагают простые вопросы для оценки той или иной жизни как счастливой: хотели бы Вы поменяться местами с этим человеком? Или хотели бы Вы такой жизни своим детям? По мнению объективистов, мало кто пожелает своему ребенку жизнь «счастливого» мозга, подключенного к машине удовольствий.

Большинство объективистских теорий счастья в качестве мировоззренческой основы в той или иной степени используют эвдемонистическую концепцию Аристотеля. Чтобы избежать терминологической путаницы, многие из них избегают употребления понятия «счастье», прочно ассоциирующегося с эмоциональным состоянием. Для характеристики эвдемонии как высшего блага и главной цели используют понятия «благополучие», «самореализация», «полноценная жизнь», «достойная жизнь» и др. При этом счастье некоторыми рассматривается как элемент эвдемонии (А. Уотерман, Э. Деци, Р. Райан). Ряд ученых вообще противопоставляют гедонистическое счастье и эвдемонии как разные жизненные ориентации (Д. Хайброн, Дж. Лизска). К сожалению, приходится констатировать, что терминологическая путаница только усиливается.

Примером неоаристотелевской объективистской концепции счастья стала теория Нееры Бэдвор, рассматривающая благополучие как высшее рациональное благо. По ее мнению, благополучие, наряду с эмоциями счастья, должно соответствовать определенным объективным критериям, таким как добродетельность, автономность (самостоятельность мышления), реалистичность (информированность) [2, с. 185]. Следует заметить, что подобные критерии называют и другие сто-

ронники эвдемонистических концепций (Д. Гриффин, К. Рифф, Э. Деци, Р. Райан и др.). Бэдвор настаивает, что субъективистская иллюзия счастья неустойчива. Только обладание объективными ценностями, благами и добродетелями может сделать человека по-настоящему счастливым. Объективные ценности не противопоставляются личности индивидуальным. Будучи правильно оценены, поняты личностью, они становятся и его собственными ценностями. Причем осознание их объективности, то есть их значимости не только для него, но и для других людей, только повышает их значимость в его собственных глазах.

Многих настораживает тезис о существовании объективных ценностей, в частности, В. Тибериус считает, что он является главной причиной скептицизма по поводу всех объективистских теорий [3, с. 236]. Этот аргумент связан с другой сложной дискуссией о субъективной или объективной природе морали и ценностей. Бэдвор разъясняет, что она понимает под объективными ценностями. Они соответствуют интересам человечества в целом, даже если люди этого не понимают и не признают. Объективные ценности могут не осознаваться личностью или даже целенаправленно отрицаться. Личность может жить ложными ценностями, то есть иллюзорно видеть ценность в том, что объективно ценностью не является, так как противоречит человеческой природе [3, с. 236–237].

Важным условием благополучия, согласно Бэдвор, является реалистичность, осведомленность. Реалистично ориентированный человек стремится к познанию, к истине, хочет адекватно оценивать свое положение, а не оставаться в заблуждении. Добродетель требует, чтобы человек мог ясно осознавать себя, оценивать ситуации, в которые попадает, извлекать из них уроки, расставлять приоритеты, отделяя ценное и важное от того, чем можно пожертвовать, и исходя из этого ставить правильные цели и подбирать правильные средства.

Аргументы Бэдвор, как и других сторонников объективистской версии счастья, при всей их убедительности далеко не безупречны как с логической точки зрения, так и с точки зрения соответствия опыту. Для того что-

бы увидеть это, обратимся к контраргументам субъективистов. Философ К. Витрано констатирует, что многие современные исследователи счастья находятся под влиянием аристотелевской концепции и отстаивают связь между счастьем и добродетелью [15, с. 47]. Они включают в свои теории счастья различные нормативные требования и объективные ограничения. Для субъективистов же удовлетворенность жизнью является достаточным критерием счастья. Рассмотрение счастья вне связи с моральными добродетелями или рациональными достоинствами, по мнению Витрано, имеет наибольшую объяснительную способность по отношению к мотивам поведения людей. Счастливым может быть и бедняк, и аскет, и одиночка, и глупец, и негодяй. Но счастливым не может быть расстроенный, напуганный, эмоционально подавленный, отчаявшийся человек. Только сам субъект компетентен оценить свое состояние и отношение к своей жизни. Никакой внешний эксперт для этого не нужен. Если человек счастлив в своем неведении, другие не вправе требовать от него доказательств, что он счастлив с обоснованием и указанием конкретных причин. Столь же бессмысленно объявлять человека счастливым, если он сам этого не чувствует. Нельзя подавленного и страдающего человека назвать счастливым, даже если причины его страданий иллюзорны. Эмоции человека определяются его восприятием реальности, а не самой реальностью. Счастье не может увеличиться или уменьшиться под влиянием фактов, о которых человек ничего не знает.

Рассуждения Витрано выявляют слабое место объективистских теорий, смешивающих когнитивное и оценочное отношение субъекта и объекта. Они переносят на оценочное суждение требование достоверности, которое может быть предъявлено только к когнитивному суждению. Кроме того, поскольку они связывают оценку счастья с информированностью субъекта, с обоснованностью его убеждений, то здесь встает проблема границ человеческого знания и достоверности любых знаний. Чтобы достоверно судить о счастье на основании того, осуществил ли человек свои мечты, идеалы, необходимо обладать всей полнотой информации, знать все факты, имеющие отношение к его жизни. По-

мимо этого, для вынесения такого суждения необходимо предвидеть отдаленные последствия поступков человека или выносить суждение только по прошествии длительного времени. Последствия поступка – это потенциально бесконечная цепь событий, которую человек не в силах предвидеть, что является одним из главных аргументов против консеквенциализма. С этой точки зрения оценка жизни человека как счастливой или несчастной по критерию осуществленности идеалов становится возможной только по прошествии длительного времени после смерти человека или вообще становится невозможной. Так, если человек считает, что он состоялся как хороший родитель, подтвердить это можно только после того, как его дети вырастут и проживут свои жизни.

Для того чтобы понять слабые места в позициях как субъективистов, так и объективистов, необходимо привести еще одно скептическое мнение, принадлежащее американскому философу Дэниелу Хайброну. Показатель SWB (субъективное благополучие), как он был задуман Э. Динером, включает самооценку субъектом своего эмоционального состояния, а также рациональную самооценку уровня удовлетворенности жизнью (УЖ). Использование, наряду с эмоциональным, когнитивного компонента должно было повысить его достоверность, репрезентативность. Большинство объективистов также признает достоверность рациональной самооценки УЖ, если, как уже было сказано, субъект реалистично и обоснованно оценивает себя, свои достижения и условия жизни. Этот показатель трудно чем-то заменить в эмпирических исследованиях. Но Хайброн полагает, что взаимосвязь удовлетворенности и благополучия более сложна, чем это принято считать [6, с. 99–100]. И чтобы объяснить эту связь, необходима философская, этическая интерпретация фактов, полученных в эмпирических психологических исследованиях, потому что в них дело касается ценностей.

Хайброн снисходительно относится к самооценке человеком положительных и отрицательных эмоций. Они переживаются непосредственно, их нельзя игнорировать или неправильно толковать. И хотя благополучие в широком смысле нельзя сводить к балансу удовольствий

и страданий, но, по крайней мере, этот показатель адекватно отражает текущее психическое состояние человека.

Другое дело – самооценка человеком степени удовлетворенности своей жизнью. Казалось бы, такая оценка производится более рационально, взвешенно, а значит, должна более объективно и адекватно отражать действительный уровень благополучия. Именно поэтому ей отводят важную роль и в гедонистических, и в эвдемонистических теориях счастья. Но Хайброн считает подобное отношение заблуждением. Рациональная оценка не означает, что она является объективной и адекватной. Для такой оценки субъект выбирает определенные критерии, требования. Самооценка удовлетворенности жизнью производится исходя из мировоззрения личности, ее достоинств и пороков, разделяемых ценностей, норм и принципов, а также требований, предъявляемых к жизни. Человек стойкий, мужественный, не склонен жаловаться на жизнь, даже если она посылает ему одно испытание за другим. Страдая от потерь, человек может вполне разумно быть благодарным судьбе за то, что просто живет и имеет возможность радоваться мелочам. Или за то, что остался верен долгу и сохранил добродетель. Но его удовлетворенность жизнью не значит, что жизнь благополучная, счастливая.

Другой может жаловаться на жизнь успешную, изобилующую достижениями, просто потому что хочет еще большего. Завышенная или заниженная самооценка влияет на требования, которые мы предъявляем к жизни, отклоняя оценки в одну или в другую сторону от адекватного уровня. Человек может приукрашивать свою жизнь, занимаясь самообманом, или быть излишне самокритичным, очерняя себя, или предъявлять завышенные требования к жизни, стремясь к обладанию значимой для себя добродетелью.

Даже один и тот же человек способен, посмотрев на жизнь под другим углом, с позиции другой значимой для себя ценности, менять оценку удовлетворенности жизнью. Отчаяние от потери работы может смениться радостью от общения с любящей семьей и снова смениться страхом перед будущим. В какой момент психолог задаст ему вопрос об удовлетворенности жизнью? И какой из от-

ветов будет адекватно отражать уровень благополучия человека? В данном случае объект оценки не меняется, а изменение оценки связано исключительно с трансформацией требований субъекта. Характерно, что оценка стороннего наблюдателя будет не более объективна, так как также определяется произвольно выбранной шкалой требований. Люди дадут разные оценки одной и той же жизни, но никто не предложит эталонную меру. «И нет однозначно авторитетной точки зрения, с позиции которой можно оценить жизнь», – писал Д. Хайброн [6, с. 108].

Людям свойственно оценивать себя в сопоставлении с другими. И здесь также открывается возможность разнообразия оценок, так как всегда можно найти и более, и менее успешных и удачливых людей. Удовлетворенность жизнью – сомнительная цель. Для того чтобы ее достичь, не обязательно обретать значимые ценности. Достаточно просто изменить угол зрения, например, взглянув на чужую трагедию.

Особенно проблематичным становится кросс-культурное сопоставление показателей УЖ. Хайброн предполагает, что социо-культурная среда может существенным образом влиять на выбор системы критериев для оценки жизни. Представители одной социальной группы могут проявлять общую тенденцию к завышению или занижению показателя УЖ, что ведет к некорректным выводам при сопоставлении действительного уровня благополучия разных групп [6, с. 121–122].

Таким образом, Хайброн подразумевает, что действительное, или фактическое, благополучие людей – некая объективная характеристика их жизни. Психологическое счастье – субъективное ощущение благополучия, выражающееся в преобладании положительных эмоций. А рациональная самооценка УЖ зависит от произвольно выбранной меры, поэтому не только не отражает действительное счастье или благополучие людей, а может оказаться обратно пропорциональна этим показателям. При этом аргументы Хайброна могут быть использованы в пользу как объективистских, так и субъективистских теорий. Критическое отношение к рациональной самооценке человеком своей жизни может стиму-

лировать поиск объективных критериев благополучия или обращение к оценке непосредственно эмоционального состояния.

Обсуждаемая тема не так абстрактна, как может показаться, она имеет вполне прикладное значение. С 70-х гг. ведутся исследования в области экономики счастья, куда перекинулись дискуссии между субъективистами и объективистами. Была поставлена под сомнение способность традиционных макроэкономических показателей отражать благополучие общества. Был начат поиск новых социальных индексов, адекватно отражающих уровень благополучия граждан. И в решении этой задачи также выделились субъективистский подход, допускающий достаточность самооценки респондентами уровня своего благополучия, и объективистский подход, предполагающий разработку интегрального индекса, учитывающего, помимо самооценок, некоторые объективные показатели жизни: ВВП на душу населения, доступность образования и медицинского обслуживания, продолжительность жизни, количество самоубийств и т. д. По мнению объективистов, SWB отражает то, как люди себя чувствуют, но не то, насколько хорошо они живут. Это связано все с тем же механизмом психологической адаптации, способным скрыть реальную картину жизни людей, замаскировать социальную несправедливость. Этот довод стал серьезным аргументом для критики утилитаризма со стороны Дж. Ролза и А. Сена. Высокий уровень удовлетворенности жизнью в обществе не свидетельствует о достижении высоких стандартов жизни и справедливом общественном устройстве. Удовлетворенность жизнью можно приобрести, как получая желаемое, так и снижая желания.

Противоречие между субъективистским и объективистским подходами в экономике счастья проявляется также в понимании приоритетных задач, стоящих перед государством. С субъективистской точки зрения главной задачей становится повышение уровня SWB, что может быть достигнуто как путем улучшения условий жизни, так и менее благоприятными методами (пропагандой снижения потребностей, внушением «правильных» ценностей, обеспечением доступа к алкоголю и

наркотикам и т. д.). Объективисты первичной целью считают улучшение всех составляющих качества жизни, что в конечном счете должно отразиться и на уровне SWB.

Оба подхода допускают как мягкий, так и более радикальный вариант патернализма. Государство уподобляется родителю, который воспитывает детей, указывает желательные для них цели, но сам при этом не вполне уверен, что для них лучше. Радикальный патернализм допускает большую степень ограничения свободы и принуждения граждан во имя благой цели – их же собственного счастья. Встает извечный вопрос: можно ли насильно осчастливить людей? В большинстве эвдемонистических концепций счастья автономия индивида является одним из важнейших условий его благополучия (эвдемонии). Мягкий вариант патернализма предполагает влияние на предпочтения людей без ограничения их свобод.

Таким образом, вопрос о соотношении объективных и субъективных факторов счастья не является праздным, обладая как теоретическим, так и практическим значением, что объясняет неуклонно растущее число исследований и публикаций на эту тему. Субъективистские теории апеллируют к эмпирически очевидной зависимости оценочных суждений от психофизиологических и мировоззренческих особенностей субъекта. Они не требуют каких-то иных критериев счастья, кроме собственных суждений субъекта. В одном из вариантов (гедонистическом) субъективизм отождествляет счастье с психологическим состоянием, характеризующимся устойчивым преобладанием сильных положительных эмоций. В другом варианте (эвдемонистическом) счастье определяется рациональной и более широкой оценкой субъектом своей жизни с точки зрения ее полноты, удовлетворенности основных потребностей, осуществленности мечтаний. Объективистов не устраивает произвол субъекта в суждениях о счастье, преодолеть который они пытаются поиском некоей объективной шкалы критериев. Они, во-первых, выдвигают дополнительные требования достоверности оценки, смешивая когнитивные и оценочные суждения. Во-вторых, требуют воплощения в жизнь неких объективных цен-

ностей, соответствия неким идеалам или общепринятым представлениям, что ведет к расширенной трактовке понятия счастья. Так, отождествление счастья с добродетелью сводит все разнообразие мотивов к одному – стремлению к счастью. В этом случае логически невозможным становится конфликт между счастьем и долгом как мотивами поведения, а это противоречит опыту. Объективисты хотят превратить стремление к счастью в облагораживающий воспитательный мотив, в то время как субъективистские теории утверждают, что в реальной нравственной практике счастье зачастую противопоставляется другим ценностям и мотивам – и злодеи могут быть счастливы.

Таким образом, спор объективистов и субъективистов об интерпретации счастья – это еще и спор сторонников нормативной и дескриптивной этики. Объективисты обременены метафизическим предположением Аристотеля, что счастье – это высшее благо, неразрывно связанное с добродетелью. Субъективисты же констатируют, что есть такие люди, для которых счастье невозможно без добродетели, и такие, для которых добродетель не только не обязательна для счастья, но даже мешает ему.

Однако если человек сам определяет, счастлив ли он и чем он счастлив, то есть ли смысл в нравственных поучениях или советах психологов, как стать счастливым? Сторонники субъективистских теорий отвечают утвердительно. Человеку постоянно приходится делать выбор, последствия которого могут сделать его счастливым или несчастным. Советы извне могут помочь сделать правильный выбор, хотя и не дадут гарантию и не укажут надежный рецепт.

Наличие сильных и слабых мест в аргументации сторонников обоих рассмотренных подходов говорит о том, что дискуссия продолжится. С появлением новых эмпирических данных и новых интерпретаций следует ждать интересных идей на стыке этики, психологии и экономической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Annas, J. *Intelligent virtue* / J. Annas. – N. Y. : Oxford University Press, 2011. – 189 p.

2. Badhwar, N. K. Precis of well-being: happiness in a worthwhile life / N. K. Badhwar // *The Journal of Value Inquiry*. – 2016. – Vol. 50, iss. 1. – P. 185–193.
3. Badhwar, N. K. Replies to my commentators / N. K. Badhwar // *The Journal of Value Inquiry*. – 2016. – Vol. 50, iss. 1. – P. 227–240.
4. Brickman, P. Hedonic relativism and planning the good society / P. Brickman, D. T. Campbell // *Adaptation Level Theory* / M. H. Appley (ed.). – N. Y. : Academic Press, 1971. – P. 287–302.
5. Easterlin, R. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence / R. Easterlin // *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz* / P. A. David, M. W. Reder (eds.). – N. Y. ; L. : Academic Press, 1974. – P. 89–125.
6. Haybron, D. M. Life satisfaction, ethical reflection, and the science of happiness / D. M. Haybron // *Journal of Happiness Studies*. – 2007. – № 8. – P. 99–138.
7. Haybron, D. M. Two philosophical problems in the study of happiness / D. M. Haybron // *Journal of Happiness Studies*. – 2000. – № 1. – P. 207–225.
8. Kekes, J. Happiness / J. Kekes // *Mind*. – 1982. – Vol. 91. – P. 358–376.
9. Liszka, J. Why happiness is of marginal value in ethical decision-making / J. Liszka // *The Journal of Value Inquiry*. – 2005. – Vol. 39, iss. 3. – P. 325–344. – DOI: 10.1007/s10790-005-5451-3.
10. Lykken, D. Happiness is a stochastic phenomenon // D. Lykken, A. Tellegen // *Psychological Science*. – 1996. – № 7 (3). – P. 186–189.
11. Nozick, R. Anarchy, state, and utopia / R. Nozick. – N. Y. : Basic Books, 1974. – 334 p.
12. Nussbaum, M. C. Who is the happy warrior? Philosophy poses questions to psychology / M. C. Nussbaum // *The Journal of Legal Studies*. – 2008. – № 37 (2). – P. 81–113.
13. Parfit, D. Reasons and persons / D. Parfit. – Oxford : Oxford University Press, 1984. – 560 p.
14. Vitrano, C. The subjectivity of happiness / C. Vitrano // *The Journal of Value Inquiry*. – 2010. – Vol. 44, iss. 1. – P. 47–54.

REFERENCES

1. Annas J. *Intelligent Virtue*. New York, Oxford University Press, 2011. 189 p.
2. Badhwar N.K. Precis of Well-Being: Happiness in a Worthwhile Life. *The Journal of Value Inquiry*, 2016, vol. 50, iss. 1, pp. 185-193.
3. Badhwar N.K. Replies to my Commentators. *The Journal of Value Inquiry*, 2016, vol. 50, iss. 1, pp. 227-240.
4. Brickman P., Campbell D.T. Hedonic Relativism and Planning the Good Society. Appley M.H., ed., *Adaptation Level Theory*. New York, Academic Press, 1971, pp. 287-302.
5. Easterlin R. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. David P.A., Reder M.W., eds. *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*. New York; London, Academic Press, 1974, pp. 89-125.
6. Haybron D.M. Life Satisfaction, Ethical Reflection, and the Science of Happiness. *Journal of Happiness Studies*, 2007, no. 8, pp. 99-138.
7. Haybron D.M. Two Philosophical Problems in the Study of Happiness. *Journal of Happiness Studies*, 2000, no. 1, pp. 207-225.
8. Kekes J. Happiness. *Mind*, 1982, vol. 91, pp. 358-376.
9. Liszka J. Why Happiness is of Marginal Value in Ethical Decision-Making. *The Journal of Value Inquiry*, 2005, vol. 39, iss. 3, pp. 325-344. DOI: 10.1007/s10790-005-5451-3.
10. Lykken D., Tellegen A. Happiness is a Stochastic Phenomenon. *Psychological Science*, 1996, no. 7 (3), pp. 186-189.
11. Nozick R. *Anarchy, State, and Utopia*. New York, Basic Books, 1974. 334 p.
12. Nussbaum M.C. Who is the Happy Warrior? Philosophy Poses Questions to Psychology. *The Journal of Legal Studies*, 2008, no. 37 (2), pp. 81-113.
13. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford, Oxford University Press, 1984. 560 p.
14. Vitrano C. The Subjectivity of Happiness. *The Journal of Value Inquiry*, 2010, vol. 44, iss. 1, pp. 47-54.

**SUBJECTIVIST AND OBJECTIVIST THEORIES
IN CONTEMPORARY RESEARCH OF HAPPINESS**

Aleksey Grigoryevich Demenev

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Deputy Head of Department of Philosophy and Sociology,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
a.demenev@narfu.ru
Prosp. Lomonosova, 2, 163002 Arkhangelsk, Russian Federation

Abstract. Happiness studies have attracted increasing attention in recent decades. Discussion of the relation of objective and subjective factors of happiness as well as the possibility of their identification and assessment, have opposed the supporters of objectivist and subjectivist theories. The paper analyzes the examples of such theories, identifies their strong and weak points. Subjectivist theories associate happiness with emotional and rational response by a person to their life conditions (subjective well-being). Only a person can evaluate their state. Opponents argue that happiness should correspond to objective criteria, paying more attention to objective factors: living conditions, achievements, possession of goods and virtues. They warn against the possibility of self-deception, the manipulation of consciousness, the illusion of happiness. This issue is part of a broader problem: whether morality is objective or subjective? The paper examines the interrelation between objectivist and subjectivist theories of happiness, on the one hand, and eudemonistic and hedonistic theories, on the other hand. Objectivist version of happiness is widespread simultaneously with the growing popularity of Aristotelian ethics in contemporary Anglo-American philosophy. Well-being is understood as eudaimonia, self-realization, self-expression and objectively worthwhile life. These discussions demonstrate the interdisciplinary nature of contemporary happiness studies. Philosophical discussions about happiness came to life, thanks to new empirical data and theoretical conceptions, which appeared in psychological studies. The results of these discussions affect the contemporary social and economic theories. For example, researchers of the economics of happiness are looking for subjective and objective indicators, that reliably reflect the level of social welfare.

Key words: happiness, well-being, virtue, subjectivism, objectivism, eudaimonia, hedonism, economics of happiness.